

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

СОПРИЧАСТНОСТЬ
КРАСОТЕ И ДУХУ

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

СОПРИЧАСТНОСТЬ КРАСОТЕ И ДУХУ

Взаимодействие
культур
Востока
и Запада

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

1991

29496
Институт
Наследия
Библиотека

ББК 83.3(0)
Ч38

Редактор издательства
Р. Ф. МАЖОКИНА

Челышев Е. П.
Ч38 Сопричастность красоте и духу (Взаимодействие культур Востока и Запада).— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.— 311 с.: ил.
ISBN 5-02-017298-7

Контакты с Западом способствовали ознакомлению обществности стран Востока с новыми для них идеями и институтами, с выдающимися достижениями культуры и искусства. Из английской литературы, по словам Рабиндраната Тагора, индийцы почерпнули «не только сокровища новых чувств, но также стремление покончить с угнетением человека человеком». Считая русского писателя Льва Толстого «учителем человечества», Тагор призывал своих соотечественников прислушиваться к его голосу, усваивать его взгляды на общество и человека. На путях взаимодействия, синтеза традиций Востока и Запада в мировой культуре рождаются новые художественные ценности.

Ч $\frac{4603000000-189}{013(02)-91}$ 120-91

ББК 83.3(0)

ISBN 5-02-017298-7

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»,
1991

...России и Западу нужно знать и древний и новый Восток... мудрость и красота его нужны нашей жизни, которая станет беднее без них.

С. Ф. Ольденбург

Когда мы впервые познакомились с английской литературой, мы почерпнули из нее не только сокровища новых чувств, но также стремление покончить с угнетением человека человеком. В наших ушах звучали призывы разорвать цепи политического рабства.

Рабиндранат Тагор

Сейчас, как никогда, мысль Европы нуждается в мысли Азии, точно так же как последняя обогащается от контакта с Европой. Восток и Запад — два полушария человеческого мозга, и если деятельность одного из них нарушается, то весь организм деградирует.

Ромен Роллан

Притягивает великий магнит индийский сердца русские... Радостно видеть жизненность в связях индо-русских.

Н. К. Рерих

ВВЕДЕНИЕ

Минуло без малого тридцать лет с тех пор, как в Институте мировой литературы им. А. М. Горького началась работа над «Историей всемирной литературы» (ИВЛ). Идея создания первого в нашем литературоведении обобщающего труда, охватывающего движение мировой литературы с древнейших времен до наших дней, отвечала научным и общественным запросам времени, была созвучна атмосфере «оттепели», наступившей в нашей стране после XX съезда КПСС. Один из главных инициаторов и вдохновителей этой работы, акад. Н. И. Конрад писал в то время: «Если литература как таковая может наиболее ощутимо ввести в общественное сознание гуманистическую концепцию прогресса общественной жизни и культуры, то разве может какая-нибудь иная отрасль знания лучше, чем история литературы, показать, что этот критерий был действителен для цивилизованного человечества во все времена его истории? Именно поэтому такая работа получает особый смысл: она не просто очередное, пусть и очень важное, научное предприятие, а большое общественное дело»¹.

Претворение в жизнь этого серьезного замысла потребовало объединения усилий ученых многих специальностей, занимающихся исследованием мировой литературы, обобщения и использования опыта, накопленного отечественной и мировой наукой в изучении мирового историко-культурного процесса, постановки и разработки новых теоретических проблем, введения в научный оборот огромного фактического материала. Потребовалось также немало усилий для того, чтобы преодолеть глубоко пустивший корни европоцентристский подход к мировой литературе, основанный на противопоставлении культур Востока и Запада, на утверждении невозможности каких-либо их сопоставлений и сравнений.

Идея создания ИВЛ была по-разному воспринята нашими учеными. Среди них были не только энтузиасты, вдохновленные новизной и масштабностью этого предприятия, готовые сразу же взяться за дело, но и скептики, считавшие, что мы еще не готовы к решению столь сложной и трудоемкой задачи, так как многое в мировой литературе остается пока не прочитанным, не осмысленным, и поэтому, прежде чем обобщать и синтезировать,

¹ Конрад Н. И. О некоторых вопросах истории мировой литературы.— Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972, с. 430.

следует лучше, детальнее разобраться в конкретном материале. И они были по-своему правы.

Среди ученых, скептически относившихся к идее создания многотомного труда по истории всемирной литературы, многие были востоковедами. Их сомнения были вызваны не консерватизмом мышления, а особенностями востоковедной науки. Известно, что как отечественное, так и мировое востоковедение начиналось с филологических и историко-культурных исследований, до сих пор составляющих его основу. Фундаментальные труды таких выдающихся русских ученых, востоковедов-классиков, как В. М. Алексеев, А. П. Баранников, Е. Э. Бертельс, Б. Я. Владимирцов, В. А. Гордлевский, Ю. И. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, отличаются высоким профессионализмом и компетентностью, бережным, корректным отношением к фактам, тонким филологическим и текстологическим анализом.

Как правило, наши предшественники, обращавшиеся к прошлому, к исследованию культурного наследия народов Востока, главное внимание уделяли описанию фактов и не очень стремились к теоретическим обобщениям. Многие ученые, занимавшиеся исследованием литератур народов Азии и Африки, шли по пути своих учителей. И для того, чтобы включиться в работу над ИВЛ, им нужно было методологически перестроиться, переориентироваться или, как тогда говорили, «преодолеть отставание ориентального литературоведения», которое «...до сих пор имеет в большей мере характер филологизирующий, чем литературоведческий... что выражается, в частности, в изучении одной отдельно взятой литературы вне связи с другими, с мировым литературным процессом, в пренебрежении к художественному анализу, в описательности и отходе от больших проблем и обобщений, в недостаточной связи исследований с актуальными проблемами литератур народов Азии и Африки»².

Думается, что такого рода характеристики и критические оценки востоковедного литературоведения возникали в пылу дискуссий, когда нужно было переубедить скептиков-востоковедов, пробудить у них интерес к сравнительному изучению литератур, к теоретическим обобщениям. Наверное, справедливее было бы говорить не об отставании ориентального литературоведения, а о его особенностях, свойственных не только отечественной, но и мировой востоковедной науке, имеющей немало достижений. Как известно, значительный вклад в отечественную и мировую востоковедную науку внесла ленинградская востоковедная школа, ее лучшие представители заложили в нашей стране основы классического востоковедения, открыли для нас Восток, по словам С. Ф. Ольденбурга, доказали, что «в Востоке есть нечто совершенно своеобразное и отличное от нашего

² Брагинский И. С. О теоретическом уровне изучения литератур народов Азии и Африки.— Проблемы становления реализма в литературах Востока. М., 1964, с. 306.

западного мира, что мудрость и красота его пужны нашей жизни, которая станет беднее без них... что только Восток показал полностью духовную мощь человека, громадную непосредственную силу его мысли и чувства, которая была так велика и без могучего оружия знания», что «наши начинания в глубокую старину — детский лепет в сравнении с достижениями Востока»³.

Работа над ИВЛ потребовала от востоковедов качественно нового отношения к предмету исследования, методологической и теоретической переориентации, нового взгляда на литературу стран Востока, которая не является простой суммой замкнутых и разобщенных литератур, как считали некоторые ученые-ориенталисты.

Утверждению новой методологии в ориентальном литературоведении, сравнительному изучению литератур Востока и Запада, их историко-типологическому исследованию, расширению кругозора востоковедов способствовали труды академиков Н. И. Конрада и В. М. Жирмунского, этих выдающихся ученых, внесших значительный вклад в разработку концепции единства историко-литературного процесса, обусловленного историческим развитием человечества, работы их предшественника А. Н. Веселовского, связавшего сравнительно-исторический подход с задачами изучения «всеобщей литературы»⁴. «Мы можем и должны сравнивать между собой,— писал В. М. Жирмунский в 1936 г.,— аналогичные литературные явления, возникающие на одинаковых стадиях социально-исторического процесса, вне зависимости от наличия непосредственного взаимодействия между этими явлениями»⁵.

В исследовании литератур народов Востока как органической части мирового литературного процесса особенно велика заслуга Н. И. Конрада. Опровергая получившее довольно широкое распространение как на Западе, так и на Востоке представление о «замкнутости» локальных цивилизаций, отрицающее возможность сравнения различных культур, Николай Иосифович наметил «пути преодоления пространственной ограниченности как западноевропейского, так и востоковедческого литературоведения»; он решительно выступил и против европоцентризма, и против азиацизма (с его краеугольным камнем — идеей «особого пути» развития культуры Востока)⁶.

Участие в работе над ИВЛ Н. И. Конрада, обладавшего удивительным даром увлекать, воодушевлять и вдохновлять всех тех, кто его окружал, кто вместе с ним трудился, способствовало созданию в советском литературоведении обстановки

³ Восток—Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982, с. 6—8.

⁴ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979, с. 7.

⁵ Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1936, № 3, с. 384.

⁶ Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада. М., 1974, с. 8.

творческого поиска, сплочению ученых, нацеленных на решение поставленной задачи. «Яркие идеи» Н. И. Конрада, отмечает главный редактор ИВЛ акад. Ю. Б. Виппер, «стимулировали развитие сравнительного изучения нашей наукой мирового литературного процесса, одухотворяли и продолжают одухотворять содержание различных разделов выпускаемого ныне в свет труда»⁷.

Вспоминая прошлое, обстановку творческого подъема, в которой разворачивалась работа над ИВЛ, все больше укрепляешься в мнении о том, что лишь тогда научный поиск может оказаться удачным, привести к положительным результатам, когда всего себя без остатка отдаешь любимому делу, делу, которое становится смыслом жизни. В этом поиске нет места равнодушным и безразличным, успеха добиваются только энтузиасты, честные, бескорыстные ученые. Николай Иосифович выдвинул ряд смелых гипотез, вызвавших оживленные дискуссии, он поставил вопросы, без теоретического осмысления которых невозможно было по-новому заниматься изучением литератур народов Азии и Африки, определять их роль и место в мировом литературном развитии.

Становлению ориентального литературоведения, повышению его теоретического уровня способствовали проведенная в середине 50-х годов реорганизация Института востоковедения АН СССР в Москве, совершенствование его научно-организационной структуры, проявившиеся, в частности, в создании в 1961 г. в этом институте отдела литератур народов Востока, в котором развернулись комплексные исследования восточной литературы, была налажена координация со всеми востоковедными центрами страны. Первым заведующим этого отдела стал И. С. Брагинский, с 1965 по 1988 г. работой отдела руководил автор этих строк. До конца своих дней Н. И. Конрад трудился вместе с нами.

Продолжаются исследования литератур народов Востока в традиционных центрах нашей востоковедной науки — Ленинградском филиале Института востоковедения АН и на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, где успешно трудились ученики и соратники акад. Н. И. Конрада: О. Л. Фишман, Е. М. Пинус, Б. Б. Вахтин и многие другие. Создаются коллективы специалистов, занимающихся литературами стран Азии и Африки, в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете, в научных и учебных заведениях Ташкента, Душанбе, Баку, Тбилиси, позже — Риги, Алма-Аты, Симферополя, Новосибирска, Владивостока.

Все шире разворачивались сравнительно-исторические исследования в области литературы; прошли научные дискуссии, за-

⁷ Виппер Ю. Б. Вступительные замечания.— История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983, с. 6.

вершившиеся изданием проблемно-тематических сборников, монографических трудов, серии кратких очерков литератур народов Востока, что способствовало расширению фронта исследовательской работы, повышению теоретического уровня ориентального литературоведения. Одним из важных этапов этой работы явилась всесоюзная дискуссия о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур, проведенная в Институте мировой литературы им. А. М. Горького 11—15 января 1960 года⁸. Наряду со специалистами по русской классике, советской и западной литературе в ней впервые приняли активное участие востоковеды: И. С. Брагинский, Б. Л. Рифтин, В. И. Семанов, О. Л. Фишман. Во время дискуссии с докладом на тему «Значение литературных связей в развитии прогрессивных тенденций в литературах народов Индии» выступил и автор настоящей книги. Принципиальное значение имел прочитанный на ней доклад Н. И. Конрада «Литературы народов Востока и вопросы общего литературоведения», в котором ученый поставил вопросы о роли литературного посредничества в механизме взаимодействия литератур Востока, о путях и формах проникновения одной литературы в мир другой, о литературных общностях, тесной связи вопроса о взаимодействии литератур, словом, обо всем том, что стало затем содержанием работ многих учеников и последователей Н. И. Конрада. Дискуссию эту, на мой взгляд, можно рассматривать как прелюдию, как подступ к работе над ИВЛ и как важный шаг на пути творческого сотрудничества востоковедов с литературоведами других специальностей, включения ориентального литературоведения в систему комплексных сравнительно-исторических исследований мировой литературы.

С благодарностью вспоминаем мы сегодня работавших тогда в ИМЛИ известных ученых, специалистов по западным литературам: И. И. Анисимова, Р. М. Самарина, Б. Л. Сучкова и особенно И. Г. Неупокоеву, уделявших с первых шагов работы над ИВЛ большое внимание организации творческого сотрудничества востоковедов с литературоведами других специальностей. Участие востоковедов в комплексном сравнительном изучении мировой литературы впервые было отражено в интересной книге И. Г. Неупокоевой «История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа» (М., 1976).

Идея единства мирового историко-культурного процесса нашла яркое воплощение в фундаментальном труде Н. И. Конрада «Запад и Восток», вышедшем в свет в 1966 и переизданном в 1972 г. «Историк культуры не может пройти мимо стройной и простой концепции закономерности развития мировой культуры, изложенной Н. И. Конрадом в его книге „Запад и Восток“»⁹, — отмечает акад. Д. С. Лихачев. Книга Н. И. Конрада привлекла

⁸ Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961.

⁹ Историко-филологические исследования, с. 17.

правительства Дж. Неру, являвшиеся данью времени, не повлияли на его высочайшие репутацию и авторитет в нашей стране. Имя Дж. Неру стало символом советско-индийской дружбы. Все самое передовое, самое важное и лучшее, что происходило в ту пору в Индии, связывалось у нас с именем Дж. Неру.

Поистине триумфальным явился его визит в Советский Союз в июне 1955 г. Сопровождавший его во время поездки по нашей стране бывший в то время послом Индии в СССР К. П. С. Менон писал: «Никогда раньше не видел я Неру в более праздничном и восторженном настроении, чем в течение трех недель его памятного визита в Советский Союз в 1955 году». Дж. Неру посещал города, осматривал заводы, стройки, колхозы, пионерские лагеря, научные и учебные заведения, знакомился с жизнью нашего народа. Он отмечал гостеприимство советских людей, их стремление к миру и дружбе между народами. Переговоры Дж. Неру с Н. С. Хрущевым и с другими советскими руководителями открыли путь дальнейшего расширения советско-индийского сотрудничества. Визит Дж. Неру в СССР завершился сотысячным митингом советско-индийской дружбы на московском стадионе «Динамо», на котором мне посчастливилось присутствовать. Митинг этот вылился в яркую демонстрацию любви и уважения советских людей к великому сыну Индии, дружеских чувств к индийскому народу. В своей речи Дж. Неру говорил: «Я думаю, что уезжаю отсюда одновременно и богаче и беднее, чем приехал. Я считаю, что уезжаю отсюда богаче потому, что у меня будет очень много прекрасных воспоминаний о нашей дружбе и о приеме, который вы мне оказали. Я уезжаю отсюда беднее потому, что оставляю свое сердце». Он как-то сказал, что самым дорогим приобретением Индии является нерушимая дружба с Советским Союзом и взаимопонимание двух народов. В те дни мне довелось также присутствовать на собрании в конференц-зале МГУ им. М. В. Ломоносова, на котором состоялась торжественная процедура присвоения Дж. Неру ученой степени почетного доктора юридических наук Московского университета.

На следующий год мне посчастливилось снова встретиться с Дж. Неру во время праздника молодежи на Делийском стадионе, состоявшегося по случаю дня его рождения. Я находился тогда рядом с его трибуной. Мне удалось сделать несколько фотоснимков. Бережно храню я фотографии Дж. Неру, окруженного толпой детей. Он был в приподнятом, веселом настроении. Море цветов, музыка, песни, танцы, радостные лица людей. Он приветствовал проходившие мимо трибуны колонны юношей и девушек — «будущее Индии», как называл он молодое поколение своей страны. Это было поистине незабываемое зрелище проявления всенародной любви к великому сыну Индии. Я воочию убедился тогда, как дорог и близок Дж. Неру сердцу каждого индийца.

Но вот официальная процедура праздника неожиданно нару-

шилась. Толпа неорганизованных зрителей прорвала цепь полицейских и устремилась на поле стадиона, смешавшись с толпой демонстрантов. С радостным воплем впереди бежали вездесущие мальчишки. Рядом с трибуной почетных гостей стоял тучный, пышно одетый мужчина, видимо какой-то высокий полицейский чин. Он лишь покрикивал, отдавая приказания подчиненным, которые никак не могли восстановить порядок. Дж. Неру поднялся с кресла, быстро подошел к полицейскому и как-то элегантно дал ему пинка. Вся важность высокого блюстителя порядка мгновенно улетучилась. С неожиданной для его веса и чина проворностью он бросился на поле и под дружный хохот участников праздника вместе со своими подчиненными стал вылавливать бегавших по стадиону мальчишек.

Я вспомнил об этом случае, читая речь Индиры Ганди по случаю открытия библиотеки мемориала Неру в Дели 27 января 1974 г. «Одна из отличительных черт в характере моего отца, — говорила она, — заключалась в том, что всякий раз, когда какое-либо событие или место казались ему слишком казенными, он находил возможность сделать что-нибудь такое, что придавало этому событию более веселую окраску. Некоторые из вас, возможно, помнят фотографию, которая впоследствии стала широкоизвестной. Я помню, мы сидели тогда на очень серьезном заседании Всеиндийского комитета ИНК, и моему отцу показалось, что все это выглядит слишком официальным. Внезапно он схватил с сиденья подушку и запустил ею в одного из присутствующих на заседании важных деятелей. Фотограф, оказавшийся в зале, запечатлел озорное выражение на лице отца»²⁴. Как я жалел тогда, что ни я, ни кто другой, находившийся рядом с ним с фотоаппаратами, не успели заснять эту сцену. Таков был Дж. Неру — жизнерадостный, остроумный, находчивый.

У меня нет фотографии, запечатлевшей Дж. Неру во время моей последней с ним встречи. Но память хранит ее в мельчайших подробностях. Это было 7 ноября 1963 г. в Дели в его рабочем кабинете в здании Индийского правительства. Несмотря на огромную занятость, усталость, резкое ухудшение здоровья, он нашел время, чтобы принять нас, гостей на Всеиндийской конференции в защиту мира, которая состоялась в городе Амритсаре.

Мы — С. В. Румянцев (ректор Университета им. П. Лумумбы), Г. Г. Котовский, О. В. Зарубина и я — вошли в его кабинет, расположенный в угловой комнате здания. Дж. Неру встал из-за стола и пошел нам навстречу. Поздоровавшись с каждым из нас за руку, он предложил нам сесть за полукруглый стол и потом сам усталю опустился в кресло.

Я хорошо помню чувства, которые испытывал тогда. Восхищение этим выдающимся человеком, руководителем великой страны, несмотря ни на какие бури крепко державшим штур-

²⁴ *Индира Ганди. Статьи, речи, интервью*, с. 391.

вал огромного корабля, всеми силами стремящимся вывести свой народ на дорогу к новой жизни, и в то же время чувство человеческой теплоты и симпатии к этому пожилому, усталому человеку, жизнь которого прошла в постоянных заботах, тревогах и волнениях, в борьбе и напряженном труде.

Каждый из нас сказал ему тогда несколько теплых фраз. Когда я заговорил на хинди, он поднял голову и слегка улыбнулся. Я, помню, сказал, что в этот день нам особенно радостно приветствовать того, кто открыл новую эру в отношениях между нашими странами, что еще в студенческие годы читал его книги, которые помогли мне лучше понять и полюбить Индию, что весь советский народ питает чувства самой большой и искренней любви и благодарности за тот огромный вклад, который он вносит в развитие дружбы и взаимопонимания между нашими народами, в дело укрепления мира во всем мире.

Мог ли я тогда предполагать, что эта моя встреча с Дж. Неру окажется последней... Я до сих пор слышу его тихий, мягкий голос, ощущаю его дружеское рукопожатие, вижу его теплую приветливую улыбку.

27 мая 1964 г. Дж. Неру ушел из жизни. Траурный митинг советской общественности, посвященный памяти Дж. Неру, состоялся в Москве в Колонном зале Дома Союзов. На нем выступал А. Н. Косыгин, принимавший участие в похоронах Дж. Неру в Дели. Слушая его речь, я вспоминал, что именно в этом зале 10 ноября 1927 г. вместе со своим отцом Дж. Неру присутствовал на открытии Всемирного конгресса друзей СССР. Здесь начался его многолетний путь дружбы с нашей страной, здесь он и завершился...

В моем кабинете висит фотография Дж. Неру, запечатлевшая его как раз таким, каким я его видел в последний раз. Ее сделал незадолго до его кончины мой старый знакомый, известный индийский фотограф К. Ч. Сонрекса. Дж. Неру снят в полупрофиль — усталое, осунувшееся лицо, глубокие складки у рта, большие, грустные глаза. Задумчиво смотрит он вдаль, словно хочет проникнуть взглядом в будущее, увидеть ту новую, прекрасную Индию, ради которой было принесено столько жертв, затрачено столько усилий. Глядя на эту фотографию, я пытаюсь проникнуть в мир чувств и переживаний Дж. Неру в тот нелегкий последний период его жизни. И мне кажется, что я начинаю улавливать в выражении лица, во взгляде, во всем облике этого пожилого, усталого человека какую-то скрытую внутреннюю силу, твердость духа, спокойствие и выдержку. Ничто не могло сломить его — ни тяжкий недуг, ни замыслы внутренней и внешней реакции, пытавшейся остановить движение индийского народа по пути к новой жизни. Я думаю, что источником этой силы и уверенности Дж. Неру была непоколебимая вера в свой народ, его кровная связь с родной землей, его подлинный интернационализм, вера в победу добра над злом, в торжество сил мира, демократии и прогресса.

Вспоминаются слова Дж. Неру, сказанные им еще в годы борьбы с британским колониализмом: «...наши взоры были всегда обращены к нашему народу... мы никогда не забывали о том, что главной нашей целью было поднять общий уровень жизни индийского народа — психологический и духовный, а также, разумеется, политический и экономический. Возрождения этой подлинной внутренней силы народа мы и добивались, зная, что все остальное неизбежно придет само собой»²⁵.

Осуществление этой цели Дж. Неру связывал с построением в Индии «общества социалистического образца». Его мысли о социализме, о путях его построения в своей стране представляются важными и плодотворными не только в индийском контексте, но и в общетеоретическом плане. Об этом много писали и пишут, спорили и продолжают спорить в Индии и других странах. Как мне известно, Дж. Неру воздерживался от формулирования своего понимания социализма, считая, что любые четкие определения и дефиниции чего бы то ни было могут привести к догматизму. «Мы в Индии должны принять в качестве нашей цели общество социалистического образца,— говорил он.— Это означает не только экономическую организацию, но и нечто более глубокое, что включает в себя путь мышления и жизни... Социализм основывается на росте материальных ресурсов, на социальной справедливости и на методах сотрудничества»²⁶. По его мнению, социализм предусматривает «некоторые широкие цели человеческого благосостояния и человеческого развития, с тем чтобы способствовать каждому человеческому существу развиваться в полной мере»²⁷. В «обществе социалистического образца», или «национальном социализме», он считал, должны синтезироваться присущие Востоку «духовность» и «коллективизм» со свойственными Западу «динамизмом», «индивидуализмом», «демократизмом», «материализмом», очищенными от негативных наслоений, приобретенных в ходе их реального исторического существования²⁸. И далее: «Мы должны совершить нечто такое, что покажет миру, что две взаимоисключающие идеологии — капитализм, или капиталистическая демократия, с одной стороны, и коммунизм — с другой, не имеют никакой монополии при подходе к решению основных проблем производства и распределения. Имеется третий путь, который берет лучшее из всех существующих систем — русской, американской и других — и стремится создать нечто, что соответствовало бы нашей собственной истории и философии... Это делает Индию своего рода землей примирения противоположных идеологических сил»²⁹. Совокупность идей социализма Не-

²⁵ Неру Дж. Открытие Индии, с. 55.

²⁶ Nehru J. Speeches. Vol. IV. 1946—1949. Delhi, 1967, с. 170.

²⁷ Karanjia R. K. The Mind of Mr. Nehru. An Interview. L., 1961, с. 100—101.

²⁸ Вафа Х., Литман А. Д. Философские взгляды Джавахарлала Неру. М., 1987, с. 237—238.

²⁹ Karanjia R. K. The Mind of Mr. Nehru, с. 100—101.

ру рассматривал «как своего рода „философию жизни“»³⁰. Видимо, закономерно, что подобного рода взгляды возникли и распространились именно в Индии, являющейся одной из наиболее демократических стран «третьего мира». Приходится лишь сожалеть сегодня, что в свое время мы прошли мимо них, как якобы не соответствующих теории научного коммунизма. У нас говорили тогда о «неопределенности выдвинутого Джавахарлалом Неру социалистического идеала», «нечеткости его трактовок социализма, аморфности его концепции» общества социалистического образца, о том, что «путеводной звездой» для него служил... «реальный социализм, построенный в Советском Союзе»³¹.

Дж. Неру был реалистом и в то же время мечтателем. Трезвая оценка обстановки, объективный и научный анализ событий и фактов у него сочетались со смелым полетом фантазии, творческим воображением, обостренным чувством нового. «Неру был мечтателем... Но он не удовлетворялся мечтами,— говорила Индира Ганди.— Как только у него возникала мечта, он сейчас же стремился претворить ее в жизнь. Если бы это было не так, то мы не достигли бы прогресса, свидетелями которого являемся»³². Эти его качества наглядно проявляются в выдвинутой им концепции построения в Индии «общества социалистического образца».

Идеал социализма, которому следовал Дж. Неру, в то же время «включал в себя и критику капитализма, и мечту о социальной справедливости и бесклассовом обществе, и идею обобществления собственности, и понимание необходимости соответствующего развития духовных и материальных потенций общества, и, наконец, понимание необходимости централизованного регулирования общественных ресурсов»³³. Не улавливается ли перекличка представлений Дж. Неру о социализме с теми идеями, которые мы сегодня вкладываем в понятие демократизации, гуманизации общества, краеугольного камня нового, перестроечного мышления?

Большой вклад внес Дж. Неру в укрепление национальной независимости Индии, в борьбу с различного рода сепаратистскими тенденциями, центробежными силами, подрывающими единство только что освободившегося от колониального гнета государства. В этом единстве он и видел прежде всего источник «подлинной внутренней силы народа». «Хотя народ наш отличался бесконечным внешним многообразием, на нем лежала печать великого единства, которое на всем протяжении прошлых веков сплачивало нас,— писал Дж. Неру,— как бы ни склады-

³⁰ Литман А. Д. Научный гуманизм Джавахарлала Неру.— Народы Азии и Африки. 1990, № 4, с. 24.

³¹ Вафа А. Х., Литман А. Д. Философские взгляды Джавахарлала Неру, с. 263.

³² Индира Ганди. Статьи, речи, интервью, с. 279.

³³ Вафа А. Х. История и прогресс. Поиски социального идеала.— Вафа А. Х., Литман А. Д. Философские взгляды Джавахарлала Неру, с. 238.

валась наша политическая судьба и какие бы несчастья ни выпадали на нашу долю»³⁴. Говоря об этнических, языковых, культурных различиях Индии, обо всем многообразии населяющих ее народов, Дж. Неру одновременно подчеркивал, что «при всем том на протяжении веков они считались индийцами, с одинаковым национальным наследием и сходными душевными и моральными качествами»³⁵.

Под руководством Дж. Неру индийское правительство осуществило многие мероприятия в целях социально-экономической и культурной интеграции страны, в решении национальной, языковой проблемы, в преодолении религиозно-общинного сепаратизма.

Идея единства Индии заложена в ее Конституции, в выработке которой Дж. Неру принимал активное участие. Важным шагом на пути решения национальной проблемы страны явилось осуществление плана реорганизации ее административно-политического деления с соблюдением главным образом лингвистического принципа, но и с учетом культурно-исторической ситуации, сложившейся в каждом штате. Сложную национальную и языковую проблему, доставшуюся правительству Дж. Неру в наследство от английских колонизаторов, решать было очень трудно. Тем не менее, как писал в свое время известный советский индолог А. М. Дьяков, «административно-политическая реформа, проведенная в 1956 году, явилась большим шагом вперед в деле разрешения национального вопроса в Индии»³⁶.

В целях укрепления взаимосвязей и взаимодействия между культурами различных народов Индии по инициативе Дж. Неру в Индии в середине 50-х годов были созданы Литературная академия, Академия музыки, танца и драмы, Академия изящных искусств в Дели с филиалами в различных штатах страны. Дж. Неру стал первым президентом Литературной академии. Шаги, предпринимаемые правительством Дж. Неру по укреплению единства Индии, в то же время ни в коей мере не ущемляли прав и интересов всех ее народов — больших и малых. Прогрессивные силы страны поддерживали его шаги, направленные на укрепление единства и национальной независимости Индии. «Индийские писатели всегда видели в Неру символ интеграции Индии»³⁷, — писал видный индийский литератор Нагендра.

Дж. Неру как-то сказал, что «для того, чтобы поставить какую-то цель перед человеком и обществом, во имя которой можно было бы жить и, если потребуется, умереть, необходимо возродить, воссоздать такую философию жизни, которая в широком смысле этого слова заложила бы духовную основу на-

³⁴ Дж. Неру. Открытие Индии, с. 57.

³⁵ Там же, с. 60.

³⁶ Дьяков А. М. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963, с. 73.

³⁷ Nagendra. The Development of Hindi Literature in the Nehru Era. Delhi, [б. г.], с. 7.

шего мышления и мировоззрения»³⁸. Думается, что эти слова можно отнести прежде всего к самому Дж. Неру, заложившему в Индии основы такой «философии жизни». Он способствовал оздоровлению духовного климата индийского общества, очищению его, утверждению в нем идеалов высокой нравственности, гуманизма, бескорыстия, мужества, самоотверженного служения народу. Он был окружен большим числом честных, преданных своему делу людей, как говорили, «гвардией Неру». Со многими из них мне приходилось общаться и сотрудничать. Я находил в них отражение красоты и величия его души. Увы, соратников Неру остается все меньше. Но та духовная, нравственная атмосфера, которую он создал в Индии, продолжает существовать, передаваться от поколения к поколению.

Дж. Неру говорил, «что лучший способ увековечить имя человека — это попытаться понять его идеи и воплотить их в жизнь»³⁹. Многие его идеи воплощаются в жизнь в современной Индии, за сравнительно короткий срок после освобождения от колониальной зависимости добившейся значительных успехов в развитии экономики, науки и техники, в культурном строительстве. Величественными и вдохновляющими представляются планы ее дальнейшего движения вперед. Неру и сегодня живет в думах, делах и планах его соотечественников, которые свято чтут память о нем. Чем больше проходит времени после его кончины, тем яснее осознается та выдающаяся роль, которую играл великий сын Индии в жизни индийского народа, во всем мире. «Даже спустя двадцать пять лет после кончины Неру все политические концепции и программы, выдвинутые и разработанные этим великим человеком, полностью сохраняют свою силу»⁴⁰, — писал Раджив Ганди.

Прошло три с половиной десятилетия со дня моего первого посещения Индии. Буквально у меня на глазах неузнаваемо изменился облик страны, превратившейся в великую, индустриально развитую азиатскую державу. Каждый раз, как я вижу в Индии что-то новое, я неизменно вспоминаю Дж. Неру, воспринимаю это как воплощение в жизнь его заветов. Одним из них является советско-индийская дружба и сотрудничество, укреплению и развитию которой Дж. Неру придавал огромное значение. И мы с благодарностью вспоминаем сегодня имя того, кто заложил фундамент этой дружбы.

³⁸ Social Report on India. 1947—1972. New Delhi, 1977, с. 307.

³⁹ Индира Ганди. Статьи, речи, интервью, с. 391.

⁴⁰ Hindustan Times. New Delhi, 15.11.1988.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел I. Типология историко-культурного развития	23
Просветительский характер новой индийской литературы	23
Конфликты и контакты с Западом	23
Тенденции романтизма в современной индийской литературе	45
К проблеме типологических схождений в литературах развивающихся стран Востока	65
Опыт сравнительного анализа поэзии Мухаммада Икбала и Пушкина	80
Раздел II. Взаимообогащение культур	94
Образ России в индийской культуре	94
Индия глазами наших соотечественников	110
Русская классика и советская литература в Индии	132
Чехов и индийская культура	155
Раздел III. Литературный процесс и развитие общества	169
Теоретические и методологические проблемы изучения истории литератур Востока	169
О становлении многонациональной индийской литературы	183
Зарубежный Восток. Литература 70-х	190
Раздел IV. Духовное наследие	220
Культурное наследие народов Востока и современность	220
«Индийское сознание» как фактор культурной интеграции страны	232
Индийская духовная культура и наша реальность	254
О государственном гимне Республики Индии	275
Памяти Джавахарлала Неру (к столетию со дня рождения)	293

Научное издание

Челышев Евгений Петрович

СОПРИЧАСТНОСТЬ КРАСОТЕ И ДУХУ
(Взаимодействие культур Востока и Запада)

Заведующий редакцией *Л. Ш. Рожанский*
Редактор *Р. Ф. Мажокина*
Младший редактор *Г. А. Бурова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректоры *Р. Ш. Чемерис, Е. В. Карюкина*

ИБ № 16867

Сдано в набор 02.07.91. Подписано к печати 21.10.91. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 19,5+0,25 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 19,75. Уч.-изд. л. 22,19. Тираж 3200 экз. Изд. № 7327. Зак. № 311. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

4p.